

Все, чего хотелось Марату, – это снова услышать голос своей жены Алисы. Просто поговорить с ней, как это было до ее похищения. Теперь бандиты требуют выкуп, а сестра Марата подозревает, что Алиса сама организовала весь этот спектакль. Мужчина не верит сестре... Еще и дочь Сашка сбегает из дому. Случайно оказавшись в квартире родителей Алисы, Сашка находит сумку. Ту самую, с которой Алису видели в последний раз... Разве могли они похитить собственную дочь? Зачем? Или сумку кто-то подбросил? Тот, кто всегда был рядом. Кого любили и считали частью семьи. Но с кем никогда не говорили...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6109-9

9 786171 261099

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

Поговори со мной

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

Поговори со мной

*Поговори
со мной*

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

*Поговори
со мной*

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
К72

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Сергей Ткачев

ISBN 978-617-12-6109-9

- © Костина-Кассанелли Н., 2019
- © DepositPhotos.com / vicnt2815, обложка, 2019
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Предисловие

На первый взгляд может показаться, что «Поговори со мной» — психотриллер: детектив с весьма динамичным сюжетом, главная загадка которого — кто же убийца? Да, все так, но... это все же роман не о страхе, который охватывает похищенного человека, и не об азарте поиска преступника или преступников, и даже переживания близких здесь — не главная нить. Главное — то, что все мы связаны любовью. Именно она — движущая сила. Любовь родительская. Братская. Любовь ребенка. Любовь женщины — часто первая, и она же — последняя. И еще — то, что мы слишком мало говорим об этой любви. Слишком мало говорим друг с другом. Не успеваем сказать, не думая, что потом может быть слишком поздно. «Поговори со мной!» — хочется воскликнуть многим, как женщинам, так и мужчинам, когда молчание любимых становится нестерпимым. Говорите! Говорите слова любви! Разговаривайте со своими близкими. С детьми. С родителями. Заполняйте пустоту в своем и в их сердцах.

Всегда ваша, Н. Костина

Тем, кого я люблю

*They say its unrealistic
But I believe in you Saint Nick*

*Говорят, что это фантазии,
Но я верю в тебя, Санта-Клаус*

Александра, дочь Марата

— Поговори со мной...

— Я тебя люблю, Саш.

Я сама слышу, что слова какие-то неживые: бумажные, что ли? Нет, скорее картонные... Они падают в никуда, и нужно бы остановиться, закруглиться по-быстрому и не мучить ни его, ни себя — все равно ничего из этого не выйдет. То есть не выйдет из нашего сегодняшнего свидания, а остальное — ну, это мы еще посмотрим! Я очень упрямая... наверное, поэтому я так и не прощаюсь и зачем-то прошу:

— Скажи еще раз...

— Я тебя очень люблю.

— Я тебя тоже очень.

— Как ты? — снова спрашивает Дэн.

— А что мне станется? Я ничего...

Наверное, он хорошо слышит, как я вздыхаю. Еще яжимаю плечами, и накинутый жилет падает. Спине сразу становится холодно от стекла, но я не двигаюсь. Потому что мне не хочется ничего поднимать — так же как не хочется заканчивать этот вяло тянущийся разговор. И зачем я ему позвонила, если знала, что никакого толку не выйдет? Обычно я дружу со здравым смыслом — но не сегодня.

Я сижу на подоконнике, широком и прочном деревянном подоконнике в оконной нише, — моем излюбленном месте для разных печалей.

— Хочешь, давай завтра встретимся? Я сбегу, — предлагаю я.

— Нет! — тут же пугается Дэн. — Не надо! Давай... переждем, а, Саш?

— Да кому я нужна...

— Я тебя очень прошу — сиди дома! — говорит он тоном приказа. — И не делай глупостей!

— Ты прям как Марат! — замечаю я и надуваюсь.

Разумеется, я никуда не сбегу: мало того что растрепала Дэну то, о чем никто не должен был знать, так теперь еще и пушу перед ним хвост и обещаю то, чего действительно лучше не делать. Но мозгов у моего парня явно больше, чем у меня.

— Я очень хочу тебя видеть, Саш, но знаешь... тебе пока действительно лучше никуда не выходить. ПОКА так действительно лучше! — говорит он с нажимом.

Я не успеваю в дополнение к хвосту встопорщить перья и каркнуть, что я уже взрослая и сама могу решать, как лучше, но слышится щелчок, и насморочный голос говорит:

— Сашенька, не занимай, пожалуйста, городской телефон! Папе... гм... должны позвонить!

Ладно. Ладно! Мобильник у меня отобрали, а городской, видишь ли, занимать не велено! Однако сегодня я хорошая девочка.

— Конечно! — говорю я, не прощаясь, потому что и так все ясно, и с силой вдавливаю кнопку отбоя.

Зимой смеркается рано. За окном уже темным-темно, лишь цепочка низеньких круглых фонарей уходит от нижней террасы дома вниз и теряется за стеной стриженных елок. В комнате тоже не видно ни зги. Можно щелкнуть выключателем и, как говорится, рассеять воинство тьмы, но... легче от этого не будет.

Я спрыгиваю с подоконника, нашариваю на полу жилетку и закутываюсь в мех, слабо пахнувший духами и другой, еще счастливой зимой, до самого подбородка. В другое время я бы включила комп и нашла утешение в Сети, но сегодня мобильная связь и инет вырублены во всем доме: таковы условия.

И от этих дурацких, неизвестно кем выставленных условий и от того, что совершенно некуда себя деть, проклятое сегодня все тянется и тянется, даже сумерки не приносят облегчения. Кроме того, лишь говоря по мобильнику, я действительно чувствую, что Дэн тут, почти рядом. Только сейчас я поняла эту разницу: с мобилой можно уйти в какой угодно угол, да хоть и на край света. Я не знаю места, где отсутствовала бы мобильная связь... или просто я в таких местах не бываю? Да мне туда и не надо! Но мне очень важно ощущение присутствия... и чтобы никто не дышал в параллельной трубке. И не стоял за спиной, когда пишущие ответ пальцы Дэна бегают по клавише. Чтобы никто из соседей по его общаговской конуре не давился поганым смешком и не корчил многозначительные идиотские рожи за его спиной, читая мое «я люблю тебя...». Наверняка они, эти конченные придурки, гогочут и мерзкими голосами интересуются, как мы трахаемся и какая я в постели — бревно бревном или ничё-себе-так-телочка.

Я слишком остро и тонко чувствую слова, как некоторые — вкус или запах... а эти, от которых несет прогорклым салом, просто ненавижу так, что даже дыхание сбивается. Мы с Дэном не трахаемся. Мы любим друг друга. Очень сильно и очень нежно. Но объяснять это всем и каждому?.. Да было бы перед кем метать бисер! Я снова льну к окну: стекло приятно холодит лоб, но стоять так и ждать с моря погоды неизвестно сколько... нет, это невыносимо! Внезапно мне в голову приходит еще одна мысль: если мне невыносимо, как же там, внизу, ОН?!.. Который не знает, что случилось с той, которую он любит? Возможно, так же

сильно и так же нежно, как я — Дэна? И которая вот уже больше суток как вышла из этого дома — и словно бы растворилась, пропала, исчезла, потерялась в пространстве времени и зимы!..

Я знаю, Марта уверена, что отец и Алиса поссорились и моя молодая взбалмошная мачеха просто-напросто решила его проучить. Марат же считает, что все гораздо серьезнее и его жену похитили. Похитили... Это слово звучит отвратительно. От него одновременно дует затхлым воздухом старого подвала и ледяным ветром. Я ежусь, будто окно случайно распахнулось во всю ширь: прямо в мороз, в зиму, в темный исход декабря...

«Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...» Вечор, вчерась, намедни, третьего дня... Я люблю пробовать все эти анахронизмы на язык, катая их во рту, как гладкие камешки. И, если набрать вот таких слов-камешков побольше, то с непривычки начинаешь шепелявить уже по-настоящему, путаясь во фразах, как в подоле бального платья со шлейфом. Слова — та же одежда, только не все это замечают.

— Вечор мела метель, милостивые государи, и вчерась мела, и третьего дни тоже, — говорю я грустно и с чувством.

Я плющу нос о стекло, но картина, зримая окрест, остается все той же: занесенные снегом геометрические ели и туи, зигзагами спускающиеся вниз, подсвеченные снизу, как муляжи в какой-нибудь псевдоисторической диораме. И эти зеленые насаждения даже на вид мерзлые-перемерзлые, и свет тоже мерзлый и неживой. Да и не зеленые они, а так... Какие-то коричнево-серые: только те, что топорщатся голубыми иглами, еще скрашивают пейзаж, остальные же унылые, как отгораживающий их от улицы добротный каменный забор с железными острями и кляксами снега. Все это куда холоднее стекла... Я отрываю от него лицо — все равно ничего нового не увижу.

За нашим забором с карточными черными пиками тонет в снегах соседний участок, за ним — еще один. Мне начинает казаться, будто вся земля до самого горизонта поделена на такие вот участки с ледяными копыями оград. И даже если смыться отсюда, то все равно не выбраться, хоть беги сутками напролет... через мерзлые железяки, по стылому кирпичу, обламывая ногти и оставляя на этих чертовых копыях частички самой себя. Пока они не разберут тебя на атомы: бесконечные заборы, условия, ограничения... Через тернии — к звездам!.. Звезд нынче не видно. Нынче, как и вчера, — анахронизм. И все, что длилось и длилось сегодня, тоже сплошной анахронизм. Хронос — это время, ана — против. Время работает против нас. Или все-таки за? Этого я пока тоже не знаю...

Я все торчу у окна — единственного портала в мир, который у меня остался. Я отчаянно не люблю хóлода... зимы... снега... и противодействия. Марта утверждает, что я избалована. У меня есть все, о чем они с моим отцом в юности могли только мечтать. Я даже училась в Англии. Этим Марта попрекает меня постоянно, страдальчески закатывая свои небесного цвета глазки, а потом на горестном длинном выдохе изрекает: «Боже мой... ты училась в Англии! Нам в твои годы такая роскошь и не снилась!» Я не знаю, что ИМ с Маратом снилось и снится ли хоть что-нибудь вообще, но Англия — это было еще то времяпрепровождение, скажу я вам! И потом, ни моему драгоценному папá, ни его сестре не возбранялось ни дружить с кем захочется, ни учиться как бог на душу положит. Да и школа, в которую они ходили, была самая обыкновенная, о чем Марта непременно вспоминает, когда нужно лишний раз сказать мне, что Марат ну просто ах какой одаренный — не то что я, разгильдяйка, на которую они не жалеют ни времени, ни денег, ни отчей любви... Ага, как раз от избытка

оной они, наверное, и сослали родное чадушко к басурманам!

Разумеется, в моем случае проблема большей частью состояла в Дэне, а не в том, чтобы дать мне достойное семьи образование. Всем было ясно, что меня уpekли в страну дождей и вечно волглого белья, потому что пятнадцать — не время для любви. Пусть даже большой и светлой. Иногда мне хочется спросить: а что, сорок пять — более подходящий возраст? Но я предпочитаю не дразнить гусей, хотя они бывают забавны, когда сердятся, — шипят и вытягивают шеи.

— Жили у бабуси... два веселых гуся... один серый, другой белый... Марат и Мартуся! — противным голосом пою я, но, слава богу, меня никто не слышит.

Девушка созрела... Однако для Марты и Марата, то бишь для отца и тетки, я еще долго буду считаться совершенно не готовым к самостоятельной жизни индивидом. Хотя сегодня мне уже шестнадцать. Я продвинулась в сторону сорокапятилетия на год. Даже почти на полтора. Однако для настоящей, долгой и верной любви наверняка еще не доросла — по их мнению, которое суть истина в последней инстанции. Откровение от Марата и Марты. От Марты и Марата. Откровение в двух томах. В двойном размере. Откровение, уходящее в обе стороны от точки отсчета в бесконечность. Потому что Марат и Марта близнецы. Не двойняшки, а именно близнецы. Совершенно разные. Марта — красавица. Но она этого не понимает. Марат — чудовище, но он также этого не понимает! В этом непонимании они одинаковы — и в том, что даже имя Дэна дома табу.

Моя задница совсем остыла на скользком подоконнике, но двигаться никуда не хочется, хотя неплохо было бы выпить чаю. Пять часов пополудни, выражаясь все тем же старинным штилем. Семнадцать тридцать две — если следовать сухой статистике перебирающего цифры будильника.

А в доме — филиал ада в отдельно взятом семействе, которое вдруг оказалось несчастливо по-своему, — это по состоянию на сейчас. И, разумеется, никаких пятичасовых чаепитий, на которых Марта помешана так, как я на цитатах и литературе. Однако не только соловьев совершенно не насыщают басни: я вспоминаю, что ничего не ела с утра, и у меня тут же начинает противно сосать под ложечкой. Придется проявить смекалку и ловкость и самой стащить на кухне чего-нибудь съестного. Хотя спуститься туда ужасно не хочется... может, у меня в комнате что-нибудь завалилось?

Я нахожу на дне рюкзака полураздавленный пакет чипсов и радуюсь этому крошеву, будто бог весть чему. Чипсы жутко соленые... я выгребаю из пакета остатки, затем переворачиваю его, трясусь над ладонью и слизываю языком все, что выпало. Марта бы пришла в ужас. Пить после чипсов хочется уже нестерпимо. Я открываю кран в ванной и пью из той же горсти, пахнувшей общепитом. Файф о клоч состоялся! Да, кстати, надо будет как-то при случае просветить Марту, что английский пятичасовой чай — не более чем миф. Пойти, что ли, и отвлечь ее этим рассказом прямо сейчас? Нет, сейчас она наверняка не станет слушать. Еще и отрежет, что я черствая и бездушная. Хотя как раз о ней-то я и забочусь! Судя по голосу в трубке, она уже третий носовой платок сменила: Марта — существо тонко устроенное, в отличие от меня, которой произошедшее не отбило аппетит и которая может жевать чипсы и мечтать об объятиях Дэна.

Не зажигая света, я плюхаюсь на кровать и громко объявляю:

— А теперь — немного о стране вечно живого Диккенса!

Затем в ужасе кошусь на дверь: действительно, не услышала бы меня Марта! В самом деле, я что, совершенно бездушная? Или мне просто одиноко? Нестерпимо одиноко, если честно... Сегодня мне даже хуже, чем в первые дни в той

самой школе, куда Марат с Мартой меня сплавил. Больше всего, кстати, в Соединенном Королевстве меня поразило даже не отсутствие пресловутой пятичасовой чайной церемонии, а то, что, судя по всему, там толком и англичан-то не осталось. Лондон, в котором я для ознакомления и адаптации (читай, чтоб не прослыть среди остальных рафинированных пансионерок селом неасфальтированным) прожила неделю, оказался сущим Вавилоном: его заполонили индийцы в сари, африканцы в кричащих нейлоновых куртках и китайцы в английских костюмах — словом, кто угодно, но только не потомки мистеров и миссис Смит. Вполне возможно, таковые все же имелись, но мимикрировали до неузнаваемого состояния, презрев наследственную чопорность и прочие джентльменские прибабасы. В бесчисленных же уютных забегаловках, где мне по причине малолетства не отламывалось ничего крепче лимонада, после пяти-шести вечера пипл вливает в себя не чай, а пиво, виски и джин — словом, накачивается спиртным под завязку, презрев завариваемый кипятком целебный напиток. Ну а чай... чай пьют явно где-то вне Грейт Бритн. В гостиной Марата и Марты, например, которые есть новая буржуазия. Или пока не есть, но очень тщатся быть. Впрочем, мне все это глубоко пофиг... или я не умею ценить то, что не досталось тяжким трудом? Как сказали бы там, откуда я все же сбежала, я родилась с серебряной ложкой во рту. У Марата и Марты ложки от рождения были в лучшем случае алюминиевые — но кто хочет сейчас об этом вспоминать? Только не сэлф мэйд мэн Марат. Безусловно, он «человек, сделавший самого себя»... и мой дорогой отец... и... наверное, нужно все же спуститься и посмотреть, что он там делает... хотя не факт, что он захочет со мной говорить. Кроме того, у него есть Марта — великая утешительница, которая никогда его не бросит. Потому что Марта вообще никогда никого не бросает. За Мартой все мы как за каменной стеной.

Я стаскиваю наушники, которые было на себя напялила, — музон меня сегодня явно не радует. Внимательно вслушиваюсь в то, что происходит в доме. Там тихо — видимо, пока не происходит ничего.

Наверное, я все же не бездушная и тоже нервничаю, иначе почему меня вдруг начало так трясти прямо под теплым пледом, в который я завернулась с ногами? Простудиться от сидения на холодном подоконнике я, которая умудрилась выжить в знаменитой на весь мир английской школе, находящейся в местности, где после дождичка — и даже не в четверг, а, считай, ежедневно — обычно начинался ливень, после ливня — туман, а затем такой ветродуй, что любому приезжему становилось понятно, почему абсолютно все постройки в этой местности каменные, на худой конец — кирпичные. Я жила в комнате со стенами метровой толщины, и волку из «Трех поросят» здесь совершенно ничего бы не отломилось.

Несмотря на вечную морось, мы все ходили с голыми коленками; я, конечно же, сдирала с себя форменный прикид сразу по окончании занятий и влезала в удобные старые джинсы, но многие особи не снимали гольфы и юбки в складочку с утра до вечера. Закаляли дух до синих цыпок на тощих голяшках. Обучение было таким же унылым, как и погода: или же я просто отчаянно скучала по Дэну? Словом, я не чаяла побыстрее выбраться оттуда, хотя и старалась оправдать надежды Марата... ну и Марты, само собой.

Как сказал классик: «Год прошел, как сон пустой». Наверняка это он прозрел истину о моем английском образовании. На каникулы, ввиду прилежного поведения, меня отправили в бон вояж. Последнюю неделю, прежде чем водворить меня обратно, было решено провести всем вместе, загорая по мере сил у холодных британских вод. Затем меня чинно сдали с рук на руки обратно в кампус. Разбирая врученные на прощание подарки, я честно заявила Марату, что он зря

тратит нажитые непосильным трудом мани, они же полновесные английские фунты. Ничему сверхъестественному нас не обучают, а если принять во внимание мое увлечение славистикой, которому я изменять не собираюсь, ловить тут и вовсе нечего. Конечно, это его личное дело: можно платить и такую цену за английский разговорный, которым я и до того владела неплохо. «Я могла бы, конечно, освоить казахский, общаясь со своей соседкой по комнате, но тюркская языковая группа меня вообще мало привлекает. Кроме прочего, — откровенно и очень грустно призналась я, — вы сейчас сделаете мне ариведерчи и отчалите. А мне от тоски по родным пенатам недолго и спиться! Паб в этом захолустье один, и совсем не процветающий. Так что дают, не спрашивая паспорта: и распивочно, и навынос, проверено».

Спасла меня все та же Марта, благослови Господь ее близорукую душу. Она сделала страшные глаза, схватила Марата за руку и уволокла из моей юдоли печалей прямо на улицу, под тысячелетний, как и эта женская тюрьма, тис: намекать на мою плохую наследственность. Марат подумал, Марат взвесил, Марат уступил. Я быстро кидала вещи в чемодан, пока мой отец в дирекции расторгал, подписывал и делал реверансы.

Я до последнего не верила своему счастью: я возвращалась домой! Разумеется, это не было бы так просто, если бы всю нашу совместную неделю Марта за мной усиленно не следила, сиречь шпионила. Но я была начеку: ни слова о Дэне, никакого компромата в телефоне, который я нарочно забывала то тут, то там, и ни одной вылазки в инет — зато был устроен показательный пляжный флирт с долговязым вундеркиндом, который ухаживал за девушками посредством пересказа теории относительности. Я притворялась как могла, но, похоже, предварительного разогрева и не нужно было. Я попала в десятку, в яблочко и в бо-

левую точку одновременно. Марат действительно опасался, как бы с горя я не стала хлестать пиво пинтами и галлонами, прямо как урожденная англичанка, и от этого живо отправилась по кривой наследственной дорожке.

Меня вернули домой: заканчивать образование без королевских излишеств. Но главное — Дэн никуда не делся. Он меня дождался! Когда закончилось наше вынужденное воздержание друг от друга, мы встретились так, будто расстались только вчера. Да, собственно, мы и не расставались — спасибо тому, кто изобрел скайп и виртуальное общение. Этого у нас не смогли отнять даже бдительная Марта с хитроумным Маратом вкупе.

Мой приезд омрачило лишь одно: поэт, написавший мои любимые детские сказки, несомненно, оказался еще и пророком. В мое отсутствие царь женился на другой.

Марта, сестра Марата

Я знала, я будто чувствовала, что все закончится именно так. Для меня, для Марата и для той, которая сейчас исчезла. Что ж, этого следовало ожидать! И потом, я слишком хорошо знаю людей: Марата, Александру... все они для меня как открытая книга. Да и Алиса тоже отнюдь не загадка сфинкса! Марат глупо наступил на те же грабли: в первый раз он женился на пьющей, во второй — на гулящей. Что ж, когда тебе сорок пять, то ты теряешь голову и бросаешь свое сердце к ногам девицы вдвое моложе... которая к тому же не способна это оценить! Я с первого взгляда поняла, что это за сокровище и чего от нее можно ожидать. Если бы он сразу послушал меня, то сегодня этого кошмара просто бы не случилось. Но... «Ты не знаешь, что такое любовь!» Ладно, это я тоже проглотила. Как выносила и терпела всю

жизнь все его выходки, которые называются «правильные решения»! Да, конечно, он бывает прав! Кто спорит? Я не спорю. Даже не оспариваю. Даже не заикаюсь... да и вообще большей частью я вынуждена молчать. Потому что давать Марату даже самые продуманные советы — бесполезно. Он все равно сделает по-своему. «Первый импульс — самый верный». Боже, какая глупость... Я удивляюсь только тому, что в большинстве случаев это как-то срабатывает! Или все-таки это не «первый импульс», а обдуманый и четко расписанный по пунктам план? Он мой брат, он самый близкий мне человек... неужели он не понимает, что мы должны, мы просто ОБЯЗАНЫ быть одинаковыми! Думать. Выверять решения — особенно когда это касается близких нам людей. Но, к сожалению, Марат порой впадает в крайности. И еще мой дорогой братец любит пускать пыль в глаза, причем пыль эта непременно золотая. Высшей пробы. И даже инкрустированная бриллиантами. Но когда эта пыль осядет, как и положено всякой пыли, он бежит советоваться ко мне. Только очень часто бывает поздно советовать. Разгрести то, что он натворил. Решительно решил и тут же сделал! Даже и подписал. Совсем как тогда: Марта, это моя жена! Боже мой, какая жена?! Где он ее взял? Ну понравилась тебе свеженькая девочка, но зачем же тащить ЭТО в дом?! Сними ей квартирку в городе и проводи с ней пару часов в неделю, если уж так приспичило. Нет, сразу — жена! А теперь, когда уже наигрались в любовь, куда ее девать, эту самую жену? С самого же начала было видно: она ему категорически не подходит! Разные люди... совсем разные. Но разговаривать, убеждать — все было бесполезно. Потому что был Импульс и была Великая Любовь! Жаль, что Великая Память у Марата напрочь отсутствует: чтобы не забывать — все это с ним уже было. Было! А главное — помнить, чем все ЗАКОНЧИЛОСЬ. И если бы не я, где бы Марат был сейчас? И кем бы он был?! Это я дер-

жала и тащила его, не давала ему упасть, скатиться еще ниже. Я оставила все, была рядом, стала его тенью, не думала о себе, потому что ЕМУ было плохо. Сначала было плохо с ней, а потом — без нее. Хотя о чем можно было так долго терзаться и сожалеть? Свою красоту за семь лет сплошного кошмара она пропила без остатка, а мозгами там и не пахло. Только те же сплошные «импульсы», пропади они пропадом! Нельзя заводить жену, подобрав, словно котенка в переходе: ах, смотрите, какой хорошенький! А он даже с родителями не познакомился, ни о чем не расспросил, сразу поволок ее расписываться! А ведь там и мать, и бабка пили запоем... Господи, да я бежала оттуда со всех ног, как узнала! Можно вывести котенку блох, и бантик прицепить, и на подушечку посадить, но как быть с НАСЛЕДСТВЕННОСТЬЮ? Семь лет ада... И он выдержал все семь жутких кругов, а потом — ее падение на самое дно... Нет, даже Я не в силах это вспоминать!

Столько лет было тихо... я так радовалась! И вот — на тебе. Очень красивая. Очень! И опять с проблемами. И почти сразу начались поздние возвращения, нелепые отговорки, снова он нервничал, ревновал, мучился, страдал... А она все порхала! Хлопала ресничками и строила глазки! Выманивала у него то одно, то другое! Наслаждалась тем, чего не заработала, что получила случайно, — попросту слямзила, присвоила, как чужой кошелек, найденный на улице! Выиграла миллион по трамвайному билету! И, вместо того чтобы быть благодарной всем, кто его окружает, и чтобы как-то облегчить мужу жизнь, заниматься домом или самообразованием, в конце концов, она желала одного: получать удовольствия! Эта плебейка совершенно не умела быть скромной! Господи, почему я говорю о ней в прошедшем времени?! Да потому что Марат уверен: ее убили! Пойти к нему, сказать, что ее точно не убили, потому что за мертвых похитители ничего не получают? Нет, он расстроится... и он сейчас

совершенно не способен мыслить логически. Конечно, у его любимой женушки мозгов кот наплакал и она запросто может выкинуть какой-то фортель, вместо того чтобы вести себя благоразумно. Даже в ее возрасте пора бы знать, что похитители — опасные люди! С ними нужно вести себя тихо... сиди и жди, пока заплатят, и не делай глупостей!

Нет, я все же пойду к Марату, даже если он заявит, что не желает никого видеть. Вот пойду и скажу, что в такое время семья должна быть вместе! Несчастья сплывают.

Да, а если потихоньку намекнуть, что Алиса попросту сбежала от него? И это ее якобы похищение — хитроумный обман? У них с Маратом в последнее время не ладилось, и даже очень! Нет, это лишнее. Он и так чересчур подавлен. Как быстро хорошие люди привязываются к тем, кто и мизинца их не стоит! И Сашка вот тоже... нашла себе. Тот еще негодяй! Однако им не втолкуешь. Наследственность! Наследственность, черт бы ее подрал! Сашка так и вовсе никого в грош не ставит — ни меня, ни Марата. Вся в него... Потому-то этим двоим ничего и невозможно втолковать!

— Ну что ты машешь своим маленьким хвостиком? Видишь, как мне плохо? Утешаешь? Гулять? Кушать? Ну что ты прыгаешь? Вниз? Говоришь, что Марта это хорошо придумала? Ну пойдём... что бы вы все делали без Марты!..

Александра, падчерица Алисы

— Александра, это Алиса! Алиса, это Александра. Моя дочь и... моя жена. Прошу любить и... не жаловаться!

Это он так пошутил. В смысле пошутил — не жаловаться. Жена, встречавшая нашу троицу в аэропорту, оказалась ею на полном серьезе. С самым что ни на есть кольцом на наманикюренном пальчике. Наверное, видос у меня был

еще тот: я, ахнув об пол пожитками, остолбенело пялилась на небесное создание с белыми волосами до попы и прозрачными ясными глазками. Эфирная дива, Лорелея и Снегурочка в одном флаконе! ЭТО тут же прижалось к боку моего собственного отца, дыша ему в шею, жеманясь и трепеща ресничками, а я стояла, забыв подобрать с пола челюсть. Хмурая Марта маячила на заднем плане: не одобряла. Ни Марата, ни Алисы, ни того, что, судя по всему, мне о событии не было велено докладывать аж до сегодняшнего дня: сю-ю-у-урпри-и-из! Да уж... и сюрприз, и суперприз... Моих выпученных глаз по восемь с половиной копеек тетка, разумеется, тоже не одобряла. Марте вообще трудно угодить. Она всегда к чему-нибудь да прицепится. Но сегодня я явно была солидарна с ней.

Домой поехали все вместе: Марат с Мартой впереди, а я с новообретенной мачехой на заднем сиденье. Наверное, это должно было послужить быстрейшему сближению, а также пробудить родственные чувства. На самом деле мы исподтишка разглядывали друг друга: я пялилась на обручальное кольцо с бриллиантом размером с кирпич, а она — на мои обгрызенные ногти и грубые ботинки, с рубленых подошв которых еще не обсыпался прах чужбины.

Дома меня также ждали всяческие подарки: наверное, Марат думал, что меня это должно утешать и примирять. Однако в этом не было нужды, потому что на самом деле я не такой уж и монстр. Я не собиралась наезжать на родного отца и обвинять его в том, что всего за каких-то двенадцать лет он забыл свою первую любовь. К тому же та, что была когда-то моей дорогой мамочкой, спилась задолго до того, как я научилась произносить ее заковыристое имя. И мои детские воспоминания не хранили никаких раритетов, типа теплой материнской груди или того дивного дня, когда, взявши за ручку, меня впервые повели в школу. Этим, кстати,

занималась Марта — и моей школой, и моими уроками, и даже моими первыми месячными. Матери я почти не помню, хотя должна была, наверное... И только сегодня я вдруг задалась вопросом: почему все-таки я ее не помню? Не любила? Боялась? Но дети всегда терпимо относятся к пьяным... они кажутся им скорее забавными, чем страшными. Или четыре года — слишком рано для настоящей памяти?

Всю сознательную жизнь со мной рядом была многотерпеливая Марта: учила писать крючочки и палочки, надевать колготки с мыска и прятала от меня любые спиртные напитки, включая даже сироп от кашля, хотя в этом не было особой нужды: я всегда питала к ним отвращение. Всосанное с ядовитым молоком матери, наверное. Которая, еще кормя меня грудью, с утра успевала опохмелиться ловко спрятанной порцией дешевого пойла, какое она явно предпочитала всему остальному, в том числе и мне. Кстати, Марата в моем детстве я тоже совсем не помню, да оно и понятно: помимо активного зарабатывания стартового капитала, у него была вечно поддатая жена, за которой тоже был нужен глаз да глаз.

После водворения обратно в дом, милый дом, Марат то юлил, прикидываясь таким старшим братом, а то вдруг становился занудой-педантом, распекал за каждую мелочь и устраивал мне щенячьи выволочки прямо на глазах у изумленной публики — новенькой жены со свежими ямочками на щеках и Марты, своего близнеца, истинной второй половины и альтер эго. Однако после английской погоды меня было не утратить ничем, тем более Мартой, которой снова был поручен усиленный надзор за мной. Но Марта вела себя весьма лояльно: она явно перешла на мою сторону — или же ей действительно целый год меня не хватало? Теперь она меня только что не облизывала, а все закидоны списывала на трудный возраст и перемены в семье. А перемены были, чего уж греха таить, но совсем не с той сторо-

ны, с которой ожидалась. Уж я-то видела, что страдала и ревновала именно Марта, ну а я... я совершенно по-свински оставляла ту, что когда-то практически заменила мне мать, и при каждом удобном случае смывалась к Дэну. Что касается Алисы, то поначалу она даже лоббировала, если выражаться языком Марата, интересы своей нежданно-негаданно обретенной падчерицы. Алиска пыталась устраивать то девичьи шушуканья под попус, которую я тихо ненавидела, то походы по магазинам, которые я терпела чуть дольше, чем ля-ля-и-опля. Наверное, у Алисы были не совсем верные представления о том, чем должны заниматься дочери богатых папиков, но я упорно не делала никаких телодвижений ей навстречу, которые помогли бы прозреть истину; скорее, я просто тихо злорадствовала и не слишком воспитанно забавлялась. Каюсь, иногда мне даже было жаль растерянную Алиску, потому что характер у меня, как утверждает Марта, отнюдь не сахар, и ей, знающей меня лучше остальных, приходится верить.

По части внутреннего устройства я пошла неизвестно в кого — во всяком случае, любви к изящной словесности в нашей семье потомственных технарей и экономистов раньше не наблюдалось. Иногда Марта в сердцах заявляет, что я — вылитый Марат, но это вряд ли: конечно, я способна на спонтанные поступки и мгновенные решения (я отнюдь не намекаю на его скоропалительную женитьбу), но меня легко уговорить сначала попробовать воспользоваться мозгами. Что касается внешности, то и тут я не удалась ни в Марту, ни в Марата, ни в свою непутевую, но прелестную покойную мать, которая, до того как в совершенно невменяемом состоянии умудрилась утонуть просто дома в ванне, могла обаять кого угодно, хоть гипсового пионера в парке культуры и отдыха. Впрочем, одна черта характера у меня действительно отцовская: давить на меня бесполезно. Чуть что

не по мне, я тут же поднимаю колючки дыбом и становлюсь похожей на ежа, причем даже не на одного, а на целое ежиное стадо. Если кажется мало, то помножьте все перечисленное на юношеский максимализм, которым меня постоянно попрекает все та же Марта, несомненно, идеальная тетка, сестра и золовка.

Нельзя сказать, что мы с Алисой не сошлись характерами, — просто она постепенно отошла в сторону, заняв наблюдательную позицию, — и в этом была своя логика. Нашей молодой женушке нужно было строить личные отношения, и ей надоело неопределенное амплуа то ли сестры, то ли молодой мамочки. Решение было на редкость верным, потому как задерживаться в отцовском доме я не собиралась. Алиса считала, что я пофокусничаю еще год-два, поморочу голову всему семейству, доведу до белого каления тетку и отца, а потом фьюить! — и выйду замуж. И только они меня и видели. А Алиса останется молодой хозяйкой, да еще и при Марте, которая все знает, все умеет и особо не отвечает. Так что Алиса все рассчитала правильно — кроме моего предполагаемого замужества, разумеется. Да, мне не терпится покинуть семейное гнездо, но замуж за кого бы то ни было, хотя бы и за Дэна, я не собираюсь. Если вы интересуетесь моим личным мнением, то я вам его озвучу: замужество как институт умерло. И даже уже плохо пахнет. Так что приближаться к нему я не собираюсь и на пушечный выстрел. Что касается отношений... я хочу быть только равноправным и равнозначным партнером — и ничего больше. Идти рядом, вежливо держа дистанцию и поддерживая избранника, а не пихаться локтями и выпячивать свое «я». Заниматься своими делами и при этом посылно интересоваться чужими. Не навязывать своего мнения. Выслушивать того, с кем я хочу связать судьбу, и чтобы он тоже слушал меня — без этого никак. Путешествовать по миру (б-р-р-р, только не Англия!).

В конце концов мы с Алисой плавно и незаметно отдалились друг от друга на безопасное расстояние, благо пространство позволяло. Все последнее время мы общались только на уровне «да-нет-привет-уже уходишь?» — и, наверное, это было правильным. Она осваивалась в мире розовых кабриолетов, белого золота, черных джипов и такого же цвета бриллиантов, шуб и холодильников для шуб. Марат, в свою очередь, тешился ею, как любимой игрушкой: баловал и гордо выставлял напоказ — даже в тех случаях, когда присутствие Алисы было совершенно не обязательным. Поэтому неудивительно, что похитили как раз ее, а не меня или, скажем, Марту: молодая красавица-жена была куда более соблазнительной мишенью, чем невзрачная, никому не нужная падчерица или ее тетка — синий чулок, она же дама с дворняжкой.

Нет, не подумайте, что я тихо ненавидела красавицу Алису: для ненависти нужны веские основания, а я ее и узнать-то толком не успела! И потом, как бы ты ни относился к человеку, любые насильственные действия в отношении кого бы то ни было — это ужасно. При одной мысли, что на меня могли напасть, связать, а потом увезти в неизвестном направлении, по коже снова продрал мороз. Я очень надеюсь, что Алиса вернется домой целой и невредимой. И мне очень хотелось бы, чтобы это случилось скоро.

Александра, племянница Марты

— Саша, ужинать будешь? — раздался за дверью голос Марты, а вслед за этим я услышала, как там трубно высморкались.

— Буду, — пообещала я неопределенно. Выходить не хотелось. Но чипсы давно куда-то провалились, а вода из

крана, сколько ее ни пей, объем, конечно, занимала, но только прибавляла бурчания в животе.

Вообще я могу есть сколько угодно и когда угодно... и даже сегодня. А, собственно, с чего бы мне отказываться от еды? И кому от этого будет легче? То, что случилось, уже случилось... а ждать новостей все же лучше не на пустой желудок.

Непонятно, как Марта умудрялась столько лет меня воспитывать: сходства у нас никакого — ни внешнего, ни внутреннего. Как я уже говорила, она красавица. Просто ей некому об этом сказать. А заодно и посоветовать сменить очки и выкинуть на свалку истории свой гардеробчик. Или же выслать его до востребования нуждающимся британским мисс и миссис — там, в определенных кругах, до сих пор такое носят. Я тоже, разумеется, никакая не икона стиля: мои вечные дырявые штаны и ботинки вселяют в Марту, одевающуюся а-ля «учительница первая моя», благоговейный ужас, но к разряду писков моды не относятся. Просто мне в них комфортно — а чего еще желать? Иногда мне кажется, что в этом мы с Маратом очень схожи: на его не чуждой тренажеров фигуре до сих пор здоровски смотрятся простые белые футболки и джинсы. Костюмы и галстуки — для деловых переговоров; в остальное же время Марат одевается вполне демократично, иногда даже и в такие милые моему сердцу рваные штаны.

Марта рядом с нами в своих юбках плиссе и таких же старомодных блузках выглядит ожившим анахронизмом: не то домоправительницей, не то старой злющей девой-неудачницей, что совершенно не соответствует истине; наша Марта — существо милейшее... ну и старая дева — это факт. Да что я, в самом деле, прицепилась к Марте? В конце концов, как хочет, так пусть и одевается! Но мне до сих пор интересно, где она откапывает весь этот винтаж: плиссе, гофре, ришелье и рукава фонариком? Наверное, это во-

дится в тех же глубинных омурах, где и громоздкие роговые оправы, носовые платки с кружавчиками и туфли-лодочки. Впрочем, лодочки у Марты очень даже ничего — как и тонкие щиколотки и изящные запястья.

Да, совсем забыла сказать: общих привычек у нас с теткой тоже нет. Марта встает ни свет ни заря и сразу развивает бурную хозяйственную деятельность. Энергии у нее хоть отбавляй, даже больше, чем у Марата. Именно на Марте держится весь наш немаленький дом, а вовсе не на приходящей прислуге, не на Алисе, которая только путалась у Марты под ногами, делая вид, что тоже очень интересуется садовыми цветами и заготовкой огурцов на зиму, и, конечно же, не на мне. От меня в домашнем хозяйстве так же мало пользы, как и от Мартиной беспородной собаки с очень подходящей происхождению кличкой Рекс. С этого кудлатого чудовища постоянно сыплется шерсть, и, сколько его ни мой, он все равно жутко воняет псиной. К тому же Рекс обожает валяться в постели, все равно чьей. Этой милой привычкой он приводит Марата в бешенство, и после каждого покушения собаки на его ложе — теперь уже супружеское — разражается дикий скандал. В свою комнату Рекса, которого я фамильярно зову Кабыздохом, я также впускаю неохотно.

За окном снова валил снег, косо и стремительно летящий в световых конусах дальних дорожных фонарей. Я вздохнула и вышла в коридор. Под дверью маялись Марта и Рекс.

— Так ты ужинать будешь? — спросила Марта почему-то шепотом.

— Буду.

— Ну тогда пойдешь, яичницу себе пожарь.

— Ты сама мне пожарь, ладно? А то у меня всегда яйца растекаются. А я лучше с собакой погуляю.

— Саша, Марат не велел выходить! — затрепыхалась тетка и схватила меня за руку, как будто я собралась уйти

из дому навеки. — Пойдем со мной в кухню, хорошо? А Рексик и сам погуляет.

— Да что со мной сделается! — Я в сердцах выдралась из цепких Мартиных пальцев и потопала вниз, сопровождаемая всхлипами, причитаниями и радостным поскуливанием Кабыздоха, который уже стоял у подножия лестницы, но снова скакать по ступеням вверх не желал ввиду нажитого с годами лишнего веса.

Марта почему-то не пошла в кухню, а осталась стоять на площадке. Она смотрела на нас с Рексом сверху, и вид у нее был странно виноватый: впрочем, большую часть времени он у нее как раз такой. Именно выражение лица и не дает разглядеть, что она действительно красива, а вовсе не ее жуткие одеяния. Не понимаю, как с таким выражением лица можно было работать психологом? А ведь Марта — с ее слов, конечно, — занималась этим весьма успешно до того, как я свалилась ей на руки. Не думаю, что она врет или хотя бы сильно преувеличивает: неумные фантазии скорее в моем характере, чем в ее. Мне кажется, Марта приобрела такой несчастный вид от своей работы, когда принялась взваливать на себя вину всех и вся: супругов, которые не могут найти общий язык, жен, терпящих побои, или мужей, чьи пьющие жены неизвестно зачем рожают детей...

Впрочем, я не хочу быть слишком строга к Марте — для меня она сделала все. Или почти все. Но психолог из нее все равно никакущий — по крайней мере, по отношению ко всем нам. Марта невероятно доверчива, и я беззастенчиво этим пользуюсь. Не так давно мне понадобилось дополнительное вспомоществование, и я, состроив печальную физиономию, попросила у нее денег. Естественно, при этом я драматическим шепотом попросила ничего не говорить Марату. Эта дурочка даже не осведомилась, на что я собираюсь употребить просимое, — так горестно я по-

Содержание

Предисловие	5
Александра, дочь Марата	11
Марта, сестра Марата	21
Александра, падчерица Алисы	24
Александра, племянница Марты	29
Марат, отец Александры	33
Алиса, жена Марата	39
Марат, муж Алисы	43
Марат, брат Марты	46
Александра, дочь Маргариты	52
Марат, умеющий торговаться	60
Сашка, подружка Дэна	64
Марат, глава семьи	69
Сашка, упорхнувший птенец	75
Марат, бывший вдовец	82
Марта, отражение Марата	87
Александра, просто Сашка	89
Алиса, любимая кошка Марата	93
Александра, подруга Лизы	100
Марат, зять Лидии и Вениамина	107
Александра, она же Сашенция	116
Марат, один, без друзей	124
Алиса, хозяйка своей судьбы	128
Шурочка, внучка Лидии	129
Марат, с которого все началось	137
...и которым все закончится	142

Шурочка, которая обязательно вернется.	147
Марат и бывший его бывшей.	151
Сашхен, умеющая исправлять карму.	156
Марта, настоящая половина Марата	161
Алиса, пленница пленника.	163
Марат, бывший и будущий друг Вадима.	169
Шурочка, которая вернулась.	173
Алиса, живая и мертвая.	181
Марта, хозяйка Рекса.	186
Алиса, у которой осталось три дня	189
Марат, лучший друг Марты.	192
Александра, свойственница Ильи	194
Алиса прощается и не прощает	201
Марат, сыщик и компания	208
Сашка, которая не хотела подслушивать.	211
...и подсматривать.	213
Алиса, хорошая девочка, которая готова.	219
Александра и ночь перед Рождеством	224
Алиса, умирающая счастливой.	227
Марат, муж Алисы, которая все сделала правильно.	231
Сашка, которая уже выросла.	235
...но так и не стала взрослой.	237
Марат, настоящий отец Александры.	240
...и отражение Марты.	247
Александра, пять лет спустя	249

Літературно-художнє видання

КОСТИНА Наталя
Поговори зі мною

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*

Редактор *С. М. Губська*

Художній редактор *А. О. Попова*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 06.02.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 5500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»

Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua

61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

КОСТИНА Наталья
Поговори со мной

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*

Редактор *С. М. Губская*

Художественный редактор *А. О. Попова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 06.02.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Minion Pro». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 5500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»

Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua

61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Все, чого хотілося Марату, — це знову почути голос своєї дружини Аліси. Просто поговорити з нею, як це було до її страшного викрадення. Тепер бандити вимагають викуп, а сестра Марата підозрює, що Аліса сама організувала весь цей спектакль. Чоловік не вірить сестрі. Ще й донька Сашка збігає з дому. Їй потрібно знайти Алісу. Випадково опинившись у будинку її батьків, Сашка знаходить сумку. Ту саму, з якою Алісу бачили востаннє... Хіба могли вони викрасти власну доньку? Навіщо? Чи сумку хтось підкинув? Той, хто завжди був поруч. Кого любили і вважали частиною сім'ї. Але з ким ніколи не говорили...

Костина Н.

К72 **Поговори со мной** : роман / Наталья Костина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 256 с.

ISBN 978-617-12-6109-9

Все, чего хотелось Марату, — это снова услышать голос своей жены Алисы. Просто поговорить с ней, как это было до ее страшного похищения. Теперь бандиты требуют выкуп, а сестра Марата подозревает, что Алиса сама организовала весь этот спектакль. Мужчина не верит сестре. Еще и дочь Сашка сбегает из дому. Ей нужно найти Алису. Случайно оказавшись в доме ее родителей, Сашка находит сумку. Ту самую, с которой Алису видели в последний раз... Разве могли они похитить собственную дочь? Зачем? Или сумку кто-то подбросил? Тот, кто всегда был рядом. Кого любили и считали частью семьи. Но с кем никогда не говорили...

УДК 821.161.1(477)

Каждая девушка мечтает стать Золушкой и попасть в сказку. Однако ждет ли ее там Принц со всеми атрибутами и, главное, будет ли этот Принц добрым? В элитном загородном клубе одновременно оказались целых девять Золушек... а также те, кто желает играть их жизнями. Внезапно от сердечного приступа умирает богатый клиент. Связано ли это событие с одной из девушек и ее прошлым? Правду хочет выяснить писатель Лев Стасов, случайно втянутый в самую гущу событий. У него завязываются отношения, причем сразу с двумя — нет, не Золушками, а вполне зрелыми дамами. Кто станет избраницей Стасова и является ли сердечный приступ убийством?